

Корниец Роман

Камень: Ленинград 41-го

Повесть

Роман Корниец
Камень: Ленинград 41-го

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Корниец Р. А.

Камень: Ленинград 41-го / Р. А. Корниец — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Дети из 2018 года попали в Ленинград 41-го. Их ожидает суровая
действительность того времени, чтобы научиться ценить тех, кто с ними
рядом и то, что у них есть.

Автор повести – Корниец Роман Александрович
Камень: Ленинград 41-го

Книга предназначена для детей среднего школьного возраста для бесплатного чтения и ознакомления в сети Интернет. Любое иное использование без письменного разрешения автора произведения запрещено. Герои и события, происходящие с героями в повести, вымышлены.

Зимним вечером кружащиеся в невероятном танце хлопья снега то и дело залетали в приоткрытое окно на кухне дома номер пять, расположенного по улице, название которой на устах у многих окрестных жителей. Вдруг подвеска отъезжающего от остановки автобуса грубо вздохнула, и одна из парящих в воздухе снежинок, будто гонимая неведомой силой, пролетела через оконный проем, преодолела подоконник и начала спиралью лениво снижаться на тарелку. В неё пристально глядел и, видимо, о чем-то размышлял кудрявый рыжеволосый мальчик, одетый в белую майку с незамысловатой надписью на немецком языке. Взор его небесно-голубых глаз приподнялся, и мальчик резко повернул голову в сторону сидящей рядом сестры в тот момент, когда та проворно ущипнула его в плечо.

– Ай! – приглушенно вылетело у мальчика.

– Ваня, доедай, а то тебе попадет, – шепнула светловолосая девочка, улыбнувшись.

Косички девочки, разделенные красивым аккуратным пробором, подобно маятнику, медленно раскачивались.

Поднося очередную ложку супа, Лиза напевала про себя мелодию, похожую на мотив песни «Катюша», а сине-зеленые, словно из турмалина, глаза девочки горели на фоне ее темной кофточки, как две яркие звездочки.

Ванька, в свою очередь, не двигался. Затем он резко повернулся, закинул в тарелку вилку, оставив там недоеденную котлету и гречку. После чего с криком «не буду» встал со стула и собирался было выйти из кухни. Однако почувствовал на своем плече встречное противодействие – руку матери.

Женщина стояла у плиты, держа половник, в полкорпуса повернувшись к Ваньке. Она была невысокого роста, со светло-каштановыми волосами и с карими глазами. В глаза ей бросилась тарелка сына.

– Ванечка, надо доедать до конца, – остановила его мама, – твой прапрапрадед Степан крошками хлеба питался во время войны. А ты продукты переводишь! Сейчас же садись и чтоб все до последней крошки!

– Котлету не буду, а гречку вообще терпеть не могу! Лучше чипсы! – прокричал он.

Каждый прием пищи сына становился для мамы своего рода пыткой. У Ваньки всегда поначалу просыпался аппетит и так же быстро затухал. Мама никогда не знала, сколько в очередной раз он съест. Всегда по-разному. Оставалось что-то на тарелке регулярно. Будь самая мелочь, но оставалась. А порой, как сегодня, почти всё. Лизочка даже называла брата мало-ежкой.

– Ваня, когда же ты наконец вырастешь! Садись, живо! Скоро отец вернется с работы! Накажет тебя! – воскликнула мама, щелкнув половником по плите.

– Пусть наказывает! Не хочу! И вообще, меня Серега ждет. Сегодня мы в кооперативе играем с братьями Пармоновыми! – выкрикнув это, Ванька, со стуком отодвинув стул, исчез, а Лиза, испугавшись резкого звука, невольно подпрыгнула.

– Да для кого готовлю? В каком еще кооперативе? – потупив взгляд на Лизу, промолвила мама.

– Мама, у тебя подгорает, – сказала Лиза.

Мать повернулась к плите, и приподняла крышку сковороды, по кухне приятно пронесся аромат тушеной говядины.

– Это они так, мам, играют вместе по Интернету, – продолжила девочка. – Братья эти известны во всей школе. Пропускают занятия. В школе появляются редко. Играют всю ночь напролет в этом кооперативе. Ну, вот и Ванька с ними.

– Ничего, папа выкинет компьютер куда подальше, – промолвила мама, отрезав кусочек и попробовав, через пару секунд, прожевывая, прибавила:

– Вот когда тетя Клава приедет, тогда и выкинет. Или продадим вон соседу из четырнадцатой. Иван Петрович давно хотел в современных технологиях поразбираться. А то совсем жалко деда.

Мама взглянула на раковину, где скопилась небольшая горка посуды и, переведя взгляд на дочь, добавила:

– Лизонька, не знаю я, что с ним делать. Я ж человека из него хочу сделать... – мама выдохнула и грустно посмотрела на Лизу. – Помой-ка посуду, помоги мне немного, доченька.

Девочка встала и мигом приблизилась к раковине. Тем временем мама сняла с плиты тушеную говядину и начала готовить к приходу папы салат из огурцов и помидоров.

Уже полным ходом в комнате разносились звуки выстрелов и взрывов. Ваня сидел, полностью поглощенный игрой, широко раскрыв глаза, разинув рот, и почти не моргал. Кот лежал на кресле и, потупив взгляд, смотрел в монитор, обмахивая подушку хвостом.

Когда раздался очередной взрыв, в дверь позвонили. Кот вскочил и устремился в прихожую, а Ванька, схватив ломоть белого хлеба, который он прихватил, уходя с кухни, втиснулся в шкаф, забитый старыми вещами.

В квартиру вошел отец, которого Ваня боялся как огня. Отец был военным. У того всегда с собой офицерский коричневый ремень. Едва вспомнив этот запах кожи, Ваньке всегда становилось не по себе. Иногда, конечно, отец его наказывал, но Ваня не обижался. Со временем он понял, что по-другому с ним никак не совладать, и воспринимал это как должное. А в коричневом шкафу Ваня часто находил укрытие, хотя это едва ли помогало мальчику. Даже кот знал, где прячется Ваня.

Мальчик чувствовал, как приятный аромат, доходивший из кухни, перебил запах канифоли, пронизывающий пространство в шкафу, и глаза его непроизвольно закрывались.

Ванька услышал приближающиеся шаги. В комнату вошла Лиза. Она сразу направилась к шкафу и заглянула туда.

Тсс, – прошипел Ваня. Уходи. Отец увидит.

Лиза, зашла внутрь шкафа и закрыла дверцу.

– Папа пришел. Опять испугался? – сказала девочка, разведя руками.

– А ты думаешь! Тебе-то чего бояться? Ты маме помогаешь, – ответил Ваня.

– Дурачок! – сказала Лиза.

Ванька, откусив кусочек хлеба, выронил его, сделав вид, будто случайно. Лиза, понимая, что он сделал это нарочно, возмутилась и начала вопить.

Тут мальчик, шаркнув ногой, услышал скрежет. Под тапочком было что-то небольшое и твердое. Присев, он протянул руку. Лиза затихла.

– А это что? Монета, – осветив ее дисплеем телефона, промолвил мальчик. – Одна копейка, сорок первый год, кажется. Вот это да!

Внезапно сердце Ваньки сильно забилося, потом, как будто сжалось, да так, что из его рук непроизвольно выпала монета, ударилась о дно шкафа и покатилась в сторону Лизы, чуть звеня. Он, побледнев, подумал: «Что это со мной?»

В этот момент кот Тимофей подошел к дверце шкафа и жалобно мяукнул.

– Тимофей, ты тоже здесь! Чудо мое! – воскликнула Лиза. Тотчас в комнате погас свет, погрузив детей в крошечную темноту. Только глаза Тимофея отдавали зеленым блеском и пристально смотрели в щелку шкафа.

Раздался какой-то шорох, шелест. Вдруг снова стало светло, солнечные лучи пробивались через щелку шкафа, но это был другой свет.

– Что произошло? – испуганно прошептала девочка.

Ваня осторожно приоткрыл дверцу, и она закричала столь сильно, что скрип эхом как будто пронесся куда-то в другой конец здания. Открывшись, дверь громко хлопнула и эхо пронеслось еще раз, принося волну холода, хлынувшую на детей.

Когда они выскочили наружу, то не поверили своим глазам: дети вышли из старого покосившегося шкафа, в уголке стоял дубовый стол, засыпанный побелкой. Вокруг были только голые стены, а на полу лежала поломанная кукла. На месте окна – дыра в стене. По полу были рассыпаны стекла, а рядом лежала часть оконной рамы, когда-то прикрывавшей то место, куда смотрели дети. По комнате гулял ветер, поднимая вверх снежные вихри, пронизывая детей насквозь. Дети попятились назад.

– Как холодно, – воскликнул Ваня, сложив руки, – морозище!

В тапочках, да домашней одежде на морозе ребята чувствовали себя потерянно, не веря в действительность происходящего. Ваня на мгновение растерялся.

– Мы замерзнем, Ваня! Что нам делать? – стуча зубами от холода, выпалила Лиза.

– Пойдем в шкаф, оденемся! Скорее! – собравшись с мыслями, сказал мальчик.

Дети заскочили обратно в шкаф. Ваня захлопнул дверцы и включил фонарик телефона.

– Смотри, вот мамина куртка, одень, Лиза. А вот папин бушлат, одену его. Какой большой!

– Ваня, я нашла валенки!

Дети обнаружили в шкафу куртки, валенки, шарфы, шапки, штаны.

Только все не по размеру. Вся одежда была велика настолько, что, перейдя порог шкафа, полы бушлата Ваньки путались в ногах, а куртка Лизы волочилась, словно фата невесты, оставляя шлейф длиной около полуметра.

Дрожа, Лиза медленно подошла к дыре в стене, через которую проникали снежинки. Видно было, как на ее глаза накатывались слезы. Ваня приобнял сестру и прижал ее к себе. Затем они, закутанные в сто одежек, взглянули наружу. Тут их взору открылись почти пустынные улицы. Они были перегорожены «ежами», повсюду тянулись проволочные ограждения, а подвальные окна были заделаны кирпичом. Там, где имелись окна, находились расположенные крест-накрест белые бумажные полоски. В воздухе висели аэростаты, похожие на небольшие белые дирижабли.

По заснеженной улице пронеслась сирена, начали раздаваться хлопки, и вдали над одним из зданий показались десятки черных точек, оставляющих за собой светлый шлейф. Они приближались все ближе. На улице люди, проходящие с тюком, резко кинулись в полуразрушенное здание напротив. Женщина, тащившая за собой санки, на которых было что-то объемное, завернутое в ткань, также ринулась в здание, и тянула санки по мере приближения объектов.

И вот в небе уже отчетливо виднелись темные внушительных размеров крылатые машины. Монотонный гул моторов заполнил тишину падающего снега.

– Лиз, немецкие самолеты, – закричал Ваня, показывая в сторону воздушных суден. В этот момент из самолетов посыпались многочисленные бомбы, и дом начало трясти. Несмотря на то, что самолеты бомбили дом, расположенный неподалеку, некоторые бомбы долетали до разрушенного дома и разрывались рядом.

Ваня и Лиза кинулись на пол.

– Голову руками прикрой! – крикнул Ваня, помогая сестре.

Волна щепок и штукатурки накрыла детей. Дом еще раз дрогнул. Самолеты пролетели.

– Ваня! – дрожа от ужаса, закричала Лиза, – я домой хочу!

То ли почудилось Ваньке, то ли взаправду, а среди шума он услышал «мяу». Дети подняли головы. На входе в комнату стоял кот Тимофей. Еще раз мяукнув, он поднял лапу и выскользнул в том же направлении. Ваня сразу же потянул сестру за руку, и, усыпанные остатками штукатурки, дети поднялись и ринулись к выходу из комнаты.

Преодолев дверной проем и вбежав в коридор, дети резко остановились. Внизу зияла пропасть, лестница была разрушена. Вдоль этой дыры с их стороны виднелась небольшая дорожка по длине стены, ведущая в соседнюю квартиру.

– Лиз, нам туда!

– Боюсь, Ваня! Это все равно, что по канату идти над пропастью!

Действительно, дорожка вдоль стены была слишком узкая, а кое-где торчали куски конструкций.

Тем временем уже было слышно, как подходили новые самолеты, и бомбежка начиналась снова. Выхода уже не было, кроме как туда пробираться.

– Давай, я с тобой. Иначе нам не спуститься отсюда. Еще эти самолеты... Быстрее, проходи!

Лиза, глубоко вздохнув, начала двигаться вдоль стенки по тонкой дорожке, тянувшейся в уцелевшую комнатку, ощупывая каждый сантиметр кирпичной кладки. Маневрируя между пропастью и стенкой, мальчик осторожно двигался за сестрой. Трудно было идти Лизе, ведь нужно было держать равновесие, но тяжелые куртка и штаны не по размеру свисали.

Неподалеку раздалась канонада, видимо упали бомбы, и здание затряслось. У Лизы соскользнула ножка. Большой сапог чудом едва не слетел с ноги девочки. Она тотчас схватилась за торчащую из стены арматуру и при помощи Вани подтянулась. «Лиза, поднимайся, вот так...», – проговорил Ванька.

Здание трясло еще интенсивней. В воздухе висело облако пыли, воздух был пропитан запахом гари, повсюду сыпалась штукатурка. Гул самолетов и эхо разрывающихся бомб не прекращались.

Лиза, прищурившись, ступила на уцелевшую часть лестничной площадки. Вслед за ней и Ваня. Дети зашли внутрь разрушенной квартиры, где стояли, словно на обрыве: до первого этажа тянулась бледно-красная горка кирпичей, верх которой прилегал к кусочку поверхности, где теснились дети.

– Пойдем, спустимся вниз, – прогремел Ванька. – А то замерзнем в миг.

Чуть пройдя вперед, Ваня протянул руку сестре. Лиза одобритительно кивнула и дрожащими ногами начала спускаться.

Они осторожно спускались на первый этаж. Лежащие под ногами припорошенные снегом остатки стен расходились под ногами и скатывались. Ноги скользили. Особенно трудно было не пораниться и не покатиться кубарем. Показался торчащий из-под снега изогнутый кувшин самовара с поддоном, заснеженные ножки которого давали отблеск света на фоне заснеженной горки. Поддувал ветер.

А когда они спустились, на мгновение наступила тишина. И вот рядом с домом кто-то неразборчиво закричал. В ответ: «Сюда, товарищи! Сюда!»

– Анна Ивановна с Лиговского, – кто-то воскликнул.

– погоди, Лиза, я посмотрю, – сказал Ванька и, выйдя на улицу, осторожно высунул голову поверх лежащей рядом с домом горы мусора. Ваня увидел множество осколков стен, рассыпанных по улице. Прямо перед ним лежал человек, укутанный в пальто. Рядом с ним лежали перевернутые скорченные санки, а неподалеку у упавшей стены столпилась небольшая кучка людей. Женщину, которую они водрузили на носилки, сильно кричала: «Сынок, Сынок! Отпустите!»

Когда люди начали удаляться, взору Ваньки открылся мальчик, лежащий на багровом участке снега. Сидя на корточках, Ваня вздрогнул. Его руки резко подались назад, и он присел. Ведь перед ним был, возможно, мертвый человек...

Вдруг левой рукой на поверхности он нащупал что-то холодное и твердое и сжал кулак, чтобы посмотреть находку. Не успел он опустить голову, как все вокруг почернело, а вдаль за угол уплывали три зеленых облакообразных объекта, переливаясь то светлыми оттенками зеленого цвета, то светло-темными. В облаках Ванька ясно видел небольшие, размером с мизинец, сферы, хаотично перемещавшиеся внутри каждого из них.

Ваня разжал кулак и, взглянув на руку, увидел светящийся зеленый отколотый кусочек неизвестного камня. Он тотчас осмотрев камень, спрятал его в карман пальто. В глазах возникла белая рябь, точно такая, которая появлялась, когда он резко выключал в комнате свет, и глаза начинали привыкать к темноте.

Не успел Ваня как следует осознать то, что только что с ним произошло и осмотреться, как сзади послышался чей-то голос.

– Ком хир, Гюнтер! Ком хир!

Ванька пригнувшись, кинул взгляд на Лизу, полушепотом сказав не высовываться, и попытался укрыться в горе лежащего перед ним мусора.

– Ком хир! – вновь раздалось на расстоянии.

«Больно похоже на речь немцев, это немцы», – прислушавшись, подумал Ванька.

Шаги приближались. Перед ним в нескольких метрах предстали двое идущих также за угол людей. Один из них высокий мужчина крепкого телосложения. За плечами у него был рюкзак. Рядом с ним шел мальчик в черной шапке-ушанке, коричневом пальто, вокруг шеи которого был повязан клетчатый шарф. На левой стороне лица мальчика отчетливо виднелся большой шрам. Мальчик был примерно такого же, как Ванька и Лиза возраста.

Вот мужчина остановился и положил руки на плечи мальчику. Пригнувшись, что-то неразборчиво ему сказал. Вытащил из рюкзака что-то, похожее на папку, и передал мальчику. Тот в свой черед кивнул, и они начали расходиться в противоположные стороны.

Неожиданно что-то словно потянуло Ванькину руку в карман, за тем камнем. Едва обхватив камень, пространство погрузилось в темноту, а расходящиеся в разные стороны фигуры превратились в синие облака с исходящим от них черным дымовым шлейфом. Точно такой поднимался вверх от мороженого фруктовый лед, когда Ваня на жаре открывал упаковку.

Когда объекты скрылись из виду, на плечо Ваньки грузно опустилась чья-то рука. Ваня разжал кулак. Опять мимо пролетали белые звездочки, и пару секунд он ничего не видел.

– Матери мальчика повезло, – после небольшой паузы произнес голос из-за спины. – Контузия... А его осколком прямо в голову. Мгновенно погиб мальчик, – пронесся в сторону лежащего неподалеку тела мальчика голос незнакомца.

По спине Ваньки забегали мурашки. Мальчик резко обернулся, дернув руку с плеча.

– Вы кто? – попятившись на четвереньках назад и широко раскрыв глаза, с дрожью в голосе выдавил мальчик.

– Я друг. Капитан Петров. Не трону. Вернулся сюда после того, как наши помогли женщине добраться до медсанчасти. Мне поручили забрать тело мальчика. Но сначала с тобой, мальчик, разберемся, а потом вернусь. Поди потерялся?

Тут Ваня широко раскрыл рот и потупил взгляд на шинель военного, не зная, что ответить.

Перед ним стоял высокий, подтянутый мужчина в серой шинели и смотрел на него своими ясными серыми глазами. Его мужественные черты лица подчеркивал широкий лоб и слегка раздвоенный подбородок. Волосы пробивались тонкими черными нитями из-под светлой шапки-ушанки.

– Что задумался? Потерялся, говорю? Где родители? Разодетый словно черт из табакерки! Как зовут?

– Нет, дяденька. Меня Ваня зовут, – еле проговорил он.

– Что нет? Ладно, разберемся. Вернем, куда следует.

– Пойдем, – прогремел мужчина и тотчас схватил Ваньку за руку.

– Моя сестра! Там моя сестра!

– Так вы вдвоем?

– Лиза! – выкрикнул мальчик. Девочка медленно потянулась к выходу. Подул ветер, и вот в нескольких метрах от них стояла девочка, ножки которой под толщей одежды дрожали.

– Пойдемте скорее! Околеем стоять! Отведу вас в комендатуру, – сказал он, приблизившись к ней.

Офицер взял девочку на руки и направился за угол дома, куда на носилках унесли женщину, обернувшись сказав:

– Ваня, идем. Накормим, дружинниц привлечем. Они найдут родителей, установят откуда вы взялись. Тут недалеко. Рукой подать!

Ванька поплелся позади.

По дороге Лиза несколько раз начинала сильно рыдать, ей было очень страшно. Местами лежали мертвые люди. А появившиеся за углом прохожие передвигались так медленно, как будто упорно о чем-то думали.

Кто-то тащил за собой санки с кастрюлями, кто-то шел, чуть останавливался, затем продолжал путь. Кто-то и вовсе падал, тяжело вставал, стоял, и потом также шел дальше.

Офицер взглянул на мальчика.

– Странные вы какие-то... Одежда на вас и вовсе, будто из театра. Оглядываетесь, как будто впервые тут видите всё... Война, дети, война! Голод ведь, кушать нечего. На кусочке хлеба в день разве проживешь? У людей некоторых нет сил из дому выйти. Дружинницы кому могут помогают. А так помирает народ...

В отдалении слышалось несколько затухающих хлопков зениток. Эхом донесся взрыв.

– Немцы завод обстреливают, – добавил он.

Оставшееся время военный шел молча. Изредка кидая взгляд в сторону Вани, о чем-то непрерывно размышляя.

Спустя некоторое время дети были у здания с развевающимся у входа красным знаменем, при входе в которое стояли часовые.

– Товарищ, капитан, – сказал вышедший из здания солдат, отдавая честь, – мне доложили, что с северной части города прибыли диверсанты. Ведем их поиски.

– Что еще известно?

– Товарищ капитан, известно, что их не менее двух.

– Продолжать, – ответил держащий на руках Лизу капитан, – проверить в районе всех гражданских, обойти квартиры, может где прячутся... Вот привел детей. Обнаружил их после бомбежки у разрушенной булочной. Найдите дружинницу Анну. Пусть найдет их родителей, если есть, конечно.

– Есть, найти дружинницу, товарищ капитан.

Вдалеке что-то грохнуло.

– Опять завод... – сказал капитан.

И вдруг что-то с треском упало на ступеньки. Ванька сразу же поднял и мигом положил к себе обратно в карман выпавший телефон.

Капитан заметил, как выпавший предмет сверкнул, и поставил Лизу на поверхность, пристально посмотрев на Ваньку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.